

О чем задумался великий князь?

В последнее время Владимира Эмильевича Горевой часто ставят в тупик простой, в общем-то, вопрос. Не то чтобы он не знал на него ответа: знает, да и отвечает. А все-таки, когда спрашивают, снова и снова задумывается, держит паузу... Простой вопрос: «А чего вы хотите?».

Горевой Владимир Эмильевич. Род. в 1944 г. Член-корреспондент Российской академии художеств (РАХ), руководитель творческой мастерской РАХ, декан факультета скульптуры и руководитель учебной мастерской Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е.Репина, заслуженный художник России.

Чего он в самом деле хочет?

В творчестве скульптора есть одна тема, которую можно назвать темой всей его жизни. Вот уже больше тридцати лет, начиная с дипломной работы в академии художеств, он работает над образом Александра Невского. Монумент святому благоверному князю, небесному покровителю Санкт-Петербурга, давно уже намечено установить на площади его имени, перед Александроневской лаврой. Но какой именно монумент?

Тут целая история. Еще в 1989 году проходил первый тур открытого конкурса на проект памятника. Жюри не сделало окончательного выбора, оно отметило премиями три проекта и предложило авторам продолжить работу и участвовать во втором туре. Однако конкурс основательно затянулся: городу было не до новых памятников, старые бы

сохранить... Только в 1997 году провели наконец второй тур. В нем участвовали уже не все. Скульптор Борис Никаноров к тому времени скончался, и теперь жюри рассматривало проекты Валентина Козенюка и Владимира Горевой. Первенство было отдано конному памятнику Козенюка. Ему вместе с архитектором Г.Пейчевым распоряжением губернатора было поручено продолжить работу над памятником. Средства на него взялась предоставить Балтийская строительная компания.

Горевому оставалось только смириться. Но это не означало прекратить работу над образом князя. Творчество ведь иррационально, если какая-то тема, образ по-настоящему тревожат художника, он работает без оглядки на востребованность, возможность напечатать, выставить, установить. Именно так, без оглядки, работал и Владимир Эмильевич со своим авторским коллективом. Между прочим, этот самый коллектив, состоящий из его учеников: Рустама Игамбердиева, Ольги Поповой, Руслана Слепенкова — тоже сыграл свою роль в том, что Горевой вновь и вновь возвращался к образу Невского. Молодые чуть ли не ультимативно требовали продолжать работу.

Между тем вскоре после второго тура скончался и замечательный художник, профессор художественно-промышленной академии Валентин Козенюк. Он оставил после себя бронзовую модель памятника. Градостроительный совет не стал объявлять новый конкурс, он предложил воплотить идею победителя конкурса Козенюка. Этим занялись вдова художника Наталья Козенюк и преподаватель художе-

ственно-промышленной академии Александр Пальмин.

Непосвященному покажется: простая задача увеличить модель. На самом деле это совсем не просто. Механическое изменение масштаба может приводить к таким искажениям, что уже и модели-то не узнать. Дело, главным образом, в точке зрения, в ракурсе. На небольшую модель не очень-то посмотришь снизу, а монумент придется рассматривать именно снизу, причем с разных расстояний, разных сторон.

В общем, случилась неудача: рассмотрев глиняную модель в натуральную величину будущего памятника, градостроительный совет не смог рекомендовать ее для отливки в бронзе. Но и на этот раз предложил доработать, теперь уже под руководством скульптора Альберта Чаркина.

Тем временем Горевой с учениками сделали гипсовую модель памятника в натуральную величину. Причем прежний замысел скульптора, с которым он выходил на конкурс, претерпел значительные изменения.

— А как он мог не измениться? — говорит Владимир Эмильевич, прикуривая одну сигарету от другой, глядя воспаленными глазами (у него в тот день температура была под тридцать восемь). — Я же все-таки пока живой, я сам меняюсь, да все вокруг меняется. Сама жизнь меняется, наши представления о ней, об истории, об исторических персонажах. Разве не изменилось за последние годы представление и об Александре Невском?

Тут задумаешься... В самом деле, долгие годы Невский был для нас прежде всего воином, разгро-

Александр Невский. Пока гипсовый.

мившим крестоносцев на Чудском озере в 1242 году. Именно образ Невского-воина умело эксплуатировал Сталин в начале Великой Отечественной войны. И только в последние годы мы стали заново открывать в легендарном князе черты государственного деятеля, дипломата, миротворца, философа.

Я не видел глиняной скульптуры, выполненной по модели В. Козенюка (это практически невозможно, ее никому не показывают). Видел только фотографии модели. Это всадник — именно воин, посланной, позой, жестом правой руки сильно напоминающий Юрия Дол-

горукого, что напротив Моссовета. Гипсовый Невский, стоящий в натуральную величину (понятно, величину возможного памятника) в мастерской Горевой, тоже воин. Он в воинском облачении, он с мечом, но... Меч уже почти целиком в ножнах, осталось одно движение, одно мгновение. И не о бое думает князь — вот это совершенно ясно. Битва для него в прошлом. О чем он думает?

Не знаю. И предполагать вслух не хочу. Вообще считаю это и неловким, и странным — додумывать что-то за художника, а уж тем более за его героя. Это уже какое-то

искусствование нехорошего толка: вот, мол, князь после битвы раздумывает о судьбе, о будущем своей Родины... Но и Горевой, по-моему, не считает нужным интерпретировать. Я грешным делом спросил его, о чем задумался князь. Он закурил новую коричневую сигарету и буркнул:

— Господи, да вы смотрите сами...

И я начинаю, кажется, понимать, чего же он хочет. «Смотрите сами» — это главное, причем обращенное ко всем. Он хочет, чтобы люди смотрели, думали — и выбрали. Он ведь не случайно год на

собственные средства делал этот гипс именно в натуральную величину. Горевой ничего не говорит и о скульптуре Козенюка, вернее, уже не вполне Козенюка, хотя он-то ее видел. На вопросы о ней он отвечает то же самое — «смотрите сами».

— Вы хотели бы нового конкурса?

— Нет, — улыбается Владимир Эмильевич, — не хотел бы. Потому что... В общем, не хотел бы.

Почему-то мне кажется, что он в этот момент подумал о жюри...

Он считает, что на площади перед лаврой нужно выставить модели памятников в натуральную величину и — «смотрите сами». То есть чтобы судьями в этом конкурсе были горожане — петербуржцы.

— Да, вот именно примерка нужна. Ну если даже самый опытный портной костюм на человека примеряет и подгоняет, как же памятник в городе без примерки ставить? И не на день-два, а на неделю, на месяц — пусть люди смотрят, думают, сравнивают.

— Хорошо, а как же учесть их мнение?

— Я не знаю.

Он говорит с такой интонацией: не моя, мол, проблема. В самом деле не его. Его проблемы — они совсем другие, и он их решает каждый день.

Примерка... Простое ли дело? Впрочем, а без примерок памятники в городах ставить слишком уж просто! В последнее время в Петербурге много судачат о новых памятниках, тех, что обились и без примерок, и даже без конкурсов. О памятниках Достоевскому, Гоголю, о шемьякинском Петре... Самое частое, что говорится, это то, что они непитерские какие-то. А тут еще не-

давно вообще неожиданно и самостийно появился памятник писающего мальчика, на который питерцы озадаченно тарашат глаза и перепрыгивают. Я не художник и не искусствовед, по-моему, мальчик как мальчик, небольшой такой, симпатичный, даже и не памятник, а так, «малая архитектурная форма». Ну разве что не на месте, что ли, не в той среде... Ему бы где-нибудь в парке писать, а он это делает на углу набережной Фонтанки и улицы Белинского. Безо всяких там примерок.

Не знаю, но думаю, что в старые советские времена Невский в исполнении Горевой не появился бы из цензурных соображений. Теперешняя цензура не лучше: кто платит, тот и памятники ставит...

И вот задаю Горевому тот самый простой вопрос:

— Чего же вы все-таки хотите?

Владимир Эмильевич надолго задумывается. А потом говорит несколько странную для скульптора вещь:

— Я хочу быть услышанным.

— Увиденным? — уточняю, не подумав.

— Нет, именно услышанным. Я же что-то хотел сказать, я же что-то говорю этим памятником. И хочу, чтобы меня услышали. Вот и все, что я хочу.

Но на площади Александра Невского, в том месте, где могла бы, где должна была бы состояться примерка, уже поднимается пьедестал для конной статуи, которой еще почти никто не видел. И мы, чтобы услышать скульптора Горевой, ходим к нему в мастерскую на 3-ю линию Васильевского острова. Много ли там желающих поместится?

Санкт-Петербург.